

Художник А.Анно

Ничего лишнего

Софья Ролдугина

НАНОФАНТАСТИКА

Ателье у Ядвиги маленькое. Крошечное, можно сказать. Называется неброско: «Ничего лишнего». Рекламы отродясь не было, цены — заоблачные... Конкуренты злословят и ждут, когда же оно прогорит. Но Ядвига процветает — вот уже сорок лет, а все потому, что умеет делать то, что не умеют другие.

Слухи твердят, что она перешивает не одежду, а память.

Клиенты у нее не толпятся с утра до ночи. Один, самое большее два человека в день. Едут со всех концов страны, часто несут последнее — Ядвига никому не отказывает, но и благотворительностью не занимается, скидок не дает. Она уверена в своем мастерстве и знает себе цену. И неудивительно — за столько лет ни одного неверного стежка, ни одной жалобы...

Ходит к ней, как ни странно, больше молодежь. Старики лелеют свою память и подолгу думают, прежде чем вырезать даже самый мучительный или горький лоскут.

«А что им еще беречь?» — иногда фыркает Ядвига снисходительно.

Когда это слышит помощница, Анника — высокая немолодая женщина, словно переломанная когда-то несколько раз, — то хмурится и почему-то смотрит на хозяйку с сочувствием.

...Как сейчас.

Но рассердиться Ядвига не успевает — в дверь стучат.

На пороге — уверенная женщина средних лет в строгом платье-футляре. На вид оно стоит больше, чем старенький Анникин автомобиль. На скуле у женщины наполовину уже сошедший и тщательно закрасенный синяк.

— Вы принимаете сегодня? — спрашивает она с некоторым вызовом. И стреляет взглядом по сторонам — неприметная вывеска, розовые циннии на клумбе, стеклянный ангел-колокольчик над входом...

— Да, сударыня. Конечно.

Аника проводит ее в зал, усаживает за столик, подает чай с тыквенными кексами. Чуть погодя вливается в приемную сама Ядвига — рыжие волосы уложены кокетливыми локонами, зеленый брючный костюм идеально отглажен, на плече янтарная брошь... Хозяйка садится напротив и готовится слушать. Анника горбится и отступает к двери.

— Понимаете, — осторожно начинает клиентка, — у меня маленькая проблема. Мы с моим... не важно, как его зовут. Словом, мы решили начать новую жизнь. Я простила его, но никак не могу выбросить из головы эти его маленькие странности... Я не об изменах говорю. Но это так мешает, понимаете?

Желтые глаза Ядвиги становятся добрыми-добрыми, сладкими-сладкими.

— Это не беда. Все поправимо.

...А через час дело уже решено.

Клиентка встает с кресла, горячо благодарит Ядвигу:

— Я словно заново влюбилась в него! — Взгляд у нее горит. — Вы были правы. Эти лишние воспоминания... Мусорные. Они словно заслонили от меня главное — мое чувство. Спасибо вам! Вы просто волшебница.

Оплата — головокружительно щедрая. Чаевые для Анники клиентка тоже оставляет воистину королевские.

Ядвига довольна; ее круглое лицо сияет, как луна.

— Видишь, Анника? Я волшебница. Я возвращаю людям прежнюю остроту чувств. Ну это ли не чудо? Доктор душ человеческих... звучит?

Аника деревянно кивает и продолжает сметать вырезанные лоскутки памяти в совок.

Через две недели газеты взрывает чудовищная новость — известную благотворительницу, госпожу М., убил ее молодой любовник, как только она переписала на него завещание. Ядвига смотрит на некролог, хмурится, а затем переворачивает на двери ателье табличку «Закрото» и уходит в дальнюю комнату, где на стене висит большое зеркало. Вечером Анника прокрадется туда и достанет из урны крохотный, сморщенный лоскуток памяти, положит его в спичечный коробок и напишет сверху имя и дату. Таких коробков у нее уже тысячи, и Ядвигиных среди них добрая сотня. Анника и сама уже не знает, зачем собирает их, — наверное, больше по привычке.

...А еще потому, что иногда — очень редко! — поздним вечером раздастся стук в дверь и робкий голос — а иногда плачущий, гневный или испуганный — произносит одну-единственную просьбу.

Тогда Анника достает из кладовки нужный коробок, ножницы, иголку с ниткой и начинает шить. Узловатые, словно переломанные пальцы в такие минуты отчего-то совсем не дрожат.

А утром в контору вернется хозяйка — Ядвига, сияющая, как всегда. Костюм безупречно отглажен, волосы зачесаны в строгий пучок.

— И все-таки я волшебница, — улыбнется она, мечтательно глядя поверх обязательной утренней чашки с кофе. — За сорок лет — ни одного лишнего стежка!

